

Актёр Александр Олешко, обладатель премии «Чайка» в номинации «Лучший исполнитель комедийной роли» за участие в спектакле Театра Вахтангова «Мадемуазель Нитуш», играл и в предыдущих интервью. О своих печальных удачливый, как казалось, артист и телеведущий молчал. А его о том до сих пор и не спрашивали...

На глазах Райкина завалил спектакль

— «Чайка» — самая престижная театральная премия. Какие еще чувства испытывает победитель, кроме «приятно»?

— Когда узнал, что номинирован на «Чайку», поблагодарил всех и пошел дальше. А на третий день поймал себя на мысли, что об этом думаю: репетировал в уме, что скажу, если получу премию. Очень неприятные ощущения: будто в поликлинике ожидаешь результатов анализов... А когда назвали мое имя, мне было бы легче отыграть пять спектаклей подряд, нежели выйти на сцену, взять «Чайку» и что-то сказать. От меня ждут смешного, но... не получилось. Актерский зажим. От радости, от восторга перед сидящими в зале потрясающими артистами. В это мало кто поверит — лишь очень близкие друзья. А так меня все считают зажавшимся. Мне даже сказали: «Ты «Чайку» вышел получать, как будто это 45-й «Оскар».

Я ведь завалил спектакль «Мадемуазель Нитуш» в день, когда его просматривали, чтобы вывести на «Чайку». Оказывается, со временем и с повышающимся к тебе вниманием все страшнее выходить на сцену, а тут я еще узнал, что в зале сидит Райкин, который для меня — вершина мастерства, сверхавторитет. Со мной — коллапс. Я чудовищно играл: абсолютная профнепригодность, предательство профессии. И готов был убить сообщившего мне про Райкина. Мне когда-то актер Александр Михайлов сказал: «А вы краснеете... Сохраните это качество как можно дольше». Как профессионал, я не должен ни на кого обращать внимание, а как человек — перед талантом млею. Как смею я что-то делать на сцене, когда передо мной сидит актер, чья жизнь — посвящение театру?..

— Отчего бы вам не млет в его театре?

— Константин Аркадьевич предлагал мне служить в «Сатириконе», когда я окончил Щукинское, а я сказал, что пойду в Театр сатиры... Через полгода я оттуда ушел. Тогда Райкин вновь пригласил меня в свой театр, а я случайно попал в «Современник», не предупредив его. Он воспринял это как презрение в адрес театра, а может, в свой собственный. А это не так. Просто в тот момент я из-за робости и глупости не смел ему позвонить... Но это, видимо, мои ошибки, которые я должен был сделать и теперь расплачиваюсь.

— Если в третий раз призовут, пойдете?

— Я впервые об этом говорю. На момент приглашения в театр, которому надо честно служить и ни о чем другом не думать, оставались личные обстоятельства, много объясняющие. Не хочу спекулировать болезнью своей мамы, но она, папа, отчим и бабушка — на моем обеспечении. Так что я несу ответственность за пропитание не только себя, но и огромной семьи. А чтобы полностью отдать себя театру, надо забыть о концертах — статье доходов, которая кормит...

25-летие отметил в 28

— Если бы я попросила разделить творческий путь на этапы...

— Первый — мечты, иллюзии и абсолютная, 250-процентная уверенность в том, что я прекрасен, что все хорошо и только так и будет. Второй — крушение иллюзий. Это связано с изменениями, которые переживала

страна: я приехал в Москву из Кишинева, когда еще был СССР. Мое взросление пришлось на развал страны, это было время абсолютного ужаса, растерянности людей, а значит, и моих преподавателей, которые учили меня в цирковом. Но меня не оставило упорство в достижении цели: не было кино, но я знал, что буду сниматься. Не было эстрады, но я пытался вести концерты. Мне хотелось бы подкорректировать... не себя — время. И родиться на 10 лет позже или раньше — мне было бы так легче.

А третий этап, который я переживаю сейчас — сильнейшая неуверенность. Кому нужно то, что я внутри себя проповедую — и в творчестве, и в жизни? Зачем нужны мои нравственные претензии к миру, когда это не будет услышано?..

— Откуда убежденность в необходимости?

— Чтобы сегодня состояться, надо идти на компромиссы с совестью. А я по-другому воспитан. Не хочу озвучивать конкретные произведения, которые выдаются за произведения искусства, но к искусству они не имеют никакого отношения. Однако именно они востребованы и оплачиваемы. Поэтому

Александр Олешко:

Пью из своего стаканчика

люди, которые могли бы многое сказать, не услышаны. А кому это удастся, либо родились под счастливой звездой, либо имеют поддержку в виде режиссеров или продюсеров. В одиночку ничего невозможно сделать.

— При этом о вашем послужном списке можно мечтать.

— А в чем мое счастье? Не вижу ничего радостного. В «Современнике» второй год не играю премьеры. Не случись приглашения в Театр Вахтангова, не было бы «Чайки». И то я играю этот спектакль раз в месяц, а мог бы чаще. Антреп-

что-то музыкальное, легкое, экцентричное, состояться, как Андрей Миронов», — сказал он мне. Он прав, но он же не будет делать со мной этого никогда, а заниматься продюсированием самого себя я не умею.

— Разве влиятельные коллеги не могут поучаствовать в вашей судьбе? На дне рождения у вас Надя и Аня Михалковы были...

— Странная история. 2 года назад на мое 28-летие, которое я праздновал как 25 лет, потому что из-за работы не успел эту дату вовремя отметить, я пригласил своих друзей. А они по-

прекрасный и это моя роль? Да никогда в жизни! Это все равно что предложить себя в любви...

Меня сталкивают с Волчек

— Многие думают о вас как о самодостаточной, сильной фигуре.

— С бытовой точки зрения я живу более чем прекрасно. Но мне нет до этого дела, ведь то, что происходит внутри меня, не дает мне спокойно жить... Мне Леша Гуськов как-то сказал...

— Ну вот...

— Что я могу сделать, если он не Иван Иванов, которого никто не знает, а Леша Гуськов? Так вот, он мне сказал: «Знаю, почему тебя не снимают так, как должны». Я спрашиваю: «Почему?» «А потому что у тебя все зае...сь», — сказал мне Леша. — Посмотри, как ты приходишь на «Мосфильм»: ты шикарно одет, от тебя вкусно пахнет, ты причесан, ухожен». Ну что за логика? Я должен повесить на груди табличку «Товарищи, мне плохо! Не смотрите, что я ухоженный»?

Дело не в амбициях и не в том, что кто-то больше играет, чем я, или кто-то более известен, чем я, а в том, что я безотдачу творческой энергии не могу жить. Она меня разрывает изнутри. А куда ее артисту отдавать? В роли. А их нет. Появился, мелькнул, ушел. Мы с Джаником Файзиевым в «Турецком гамбите» придумали, каким должен быть Яблоков. Так одна газета написала, что очки у моего персонажа только ради трюка. А то, что у Яблокова, по Акунину, было плоскостопие, из-за которого его не взяли в пехоту, и я специально носил сапоги на полтора размера меньше и раздирал ноги в кровь, чтобы до-

биться другой походки — это же никого не интересует. Как и то, что я не тиражирую свое лицо, а люблю на экране создавать каждый раз другого человека.

— Но все-таки что приятное вспоминается за последний год? Вы сейчас в «Рекламной паузе» Гинзбурга снялись.

— Это комедийный сериал, в котором мне понравился сценарий. Но снимали мы чуть ли не экспресс-методом, что не пошло на пользу. Зато я там познакомился с Юрием Стояновым — обожаю людей, способных на иронию и самоиронию... Что еще? Вообще уныние — грех. И признание в том, что ничего хорошего не было, станет апогеем моей неприличности.

— Я читала, что для актера вредно быть умным.

— Мне сильно мешает голова. Ахатов говорит, что у меня режиссерские мозги. Но у меня нет подобных амбиций! Я для этого недостаточно образован, а по сути, во мне нет той наглости, которая помогает самореализоваться. И нет времени что-то долго объяснять. Меня все время пытаются столкнуть с Галиной Волчек. Сидишь дома, ничего не делаешь, а ты уже, оказывается, в центре такого конфликта... С Кириллом Серебренниковым, к которому отношусь больше чем с уважением, тоже стараются поссорить.

— Это зависть. Значит, есть чему завидовать.

— Все, что у меня есть, я сделал и заработал самостоятельно. Есть такой афоризм, он мне очень нравится: «Я пью из маленького стаканчика. Но из своего стаканчика». И не надо заглядывать в чужой.

■ Ольга Сабурова.

Зрители запомнили нескладного студента из «Турецкого гамбита»

Олешко Александр (ангбёр) 14.02.2006 (февр.)